

26	0225	СЕМЕН ЛИПКИН	"Чего же я жду?"
----	------	--------------	------------------

Одесским друзьям юности и молодости посвящается
"Чего же я жду?" (Коренблит – Липкин)

1. Ночью	– 1.57
2. Гончар	– 1.31
3. Пробуждение	– 1.24
4. Жажда правоты	– 1.45
5. Пустившись в дорогу	– 1.05
6. Звон	– 2.03
7. Пегас	– 0.57
8. Всё изменилось	– 1.49
9. Военная	– 2.07
10. Зола	– 0.55
11. Одесский переулок	– 2.03
12. Улица печали	– 1.10
13. Телефонная будка	– 2.13
14. Зелёный собор	– 2.02
15. Чего же я жду?	– 1.20
16. Ирисы	– 1.16
17. Когда	– 1.26
18. Не забыть	– 1.27
19. В царстве Флоры	– 2.53
20. Шелковица	– 2.42
21. Ожиданье жизни	– 1.14
22. В ковчеге	– 2.38
23. Человек в толпе	– 0.59
24. Я принёс вам	– 1.41
25. Пожелтевшие блокноты	– 1.12

Общее время звучания – 41.49

СОДЕРЖАНИЕ

1. НОЧЬЮ

Высотные скворечники
Поражены безмолвьем;
Плеяды-семисвечники
Зажглись над их становьем;
И кажется: чуть-чуть привстань,
И ты коснешься света
Луны, пленительной, как лань
На бархате завета.

О ясность одиночества,
Когда и сам яснеешь,
Когда молиться хочется,
Но говорить не смеешь!
Ты царь, но в рубище одет,
И ты лишился власти,
И нет венца, и царства нет,

А только счастье, счастье!

2. ГОНЧАР

Когда еще не знал я слова
С его отрадой и тоской,
Богов из вещества земного
Изготавливал я в мастерской.

Порой, доверившись кувшину,
Я пил с собой наедине,
Свою замешивая глину
Не на воде, а на вине.

Не ведая духовной жажды,
Еще о правде не скорбя,
Я вылепил тебя однажды,
Прекраснобедрая,— тебя!

Но свет и для меня зажегся
С потусторонней высоты,
И, потрясенный, я отрекся
От рукотворной красоты.

Так почему же зодчий мира,
Зиждатель влаги и огня,
Глазами моего кумира
Все время смотрит на меня?

3. ПРОБУЖДЕНИЕ

Ещё дыханье суеты
Тебя в то утро не коснулось,
Ещё от сна ты не очнулась,
Когда глаза открыла ты —

С таким провидящим блистаньем,
С таким забвением тревог,
Как будто замечтался Бог
Над незнакомым мирозданьем.

Склоняюсь, я над тобой стою
И, тем блистанием палимый,
Вопрос, ликуя, задаю:
— Какие новости в раю?
Что пели ночью серафимы?

4. ЖАЖДА ПРАВОТЫ

Душа не есть нутро,
А рев и рык — не слово,
А слово есть добро,
И слова нет у злого.

Но если предаем

Себя любви и муке,
Становятся добром
Неведомые звуки.

Так, в роще, где с утра
Сумерничают ели,
Запели вдруг вчера
Две птицы. Как запели!

Им не даны слова,
Но так они певучи –
Два слабых существа, –
Что истиной созвучий,

Сквозь утренний туман,
Всю душу мне пронзили
И первый мой обман,
И первых строк бессилье,

И то, чем стала ты, –
Мой свет, судьба и горе,
И жажда правоты
С самим собой в раздоре.

5. МГНОВЕНЬЕ

Пустившись вечером в дорогу,
Меж тёмных скал увидел неба
Я головокружительный кусок.
Как будто идолищу-богу,
Молились горному отрогу
И разжигали звезды алтари.

Младенческое было что-то
В сверкании вечерней бездны,
И мир мне показался так высок,
Что с плеч моих сошла забота,
Я стал пригоден для полета,
Как тот, что сообщил благую весть.

Нездешнего прикосновенье
Ожгло меня, и уходило
Оно безмолвно, как песок в песок,
Но я запомнил то мгновенье,
Как помнят боль и откровенье
И милую отцовскую ладонь.

6. ЗВОН

Над грубым гуденьем вагонов
Сияющий храм вознесен,
Но вместо малиновых звонов —
Малиновки сдавленный звон.

О чем же грустишь ты, зорянка?
О том, что покорствуем зря?
О том, что пустая приманка —
Лесное тепло сентября?

О том, что хочу не другую,
А эту дорогу топтать,
И вместе с тобою тоскую
О дерзости громко роптать.

7. ПЕГАС

Наросло на перьях мясо,
Меньше скрытого тепла,
Изменилась у Пегаса
Геометрия крыла.

Но пышна, как прежде, грива,
И остер, как прежде, взгляд,
И четыре крупных взрыва
Под копытами дымят.

Он летит в пространстве жгучем,
В бездну сбросив седока,
И разорванным созвучьем
Повисают облака.

8. ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ

Тени заката сгустились в потёмки.
Город родной превратился в обломки.

Всё изменилось на нашей земле,
Резче морщины на Божьем челе,

Всё изменилось на нашей планете,
Умерли сверстники, выросли дети,

Всё изменилось и прахом пошло,
А не пошло, так быльем поросло!

Все изменило мечте и надежде,
Мы, только мы, всё такие ж, как прежде:

Так же брожу у твоих берегов,
Так же моих ты не слышишь шагов.

9. ВОЕННАЯ

Серое небо. Травы сырые.
В яме икона панны Марии.
Враг отступает. Мы победили.
Думать не надо. Плакать нельзя.
Мертвый ягненок. Мертвые хаты.
Между развалин — наши солдаты.

В лагере пусто. Печи остыли.
Думать не надо. Плакать нельзя.

Страшно, ей-богу, там, за фольварком.
Хлопцы, разлейте старку по чаркам,
Скоро в дорогу. Скоро награда.
А до парада плакать нельзя.
Черные печи да мыловарни.
Здесь потрудились прусские парни.
Где эти парни? Думать не надо.
Мы победили. Плакать нельзя.

В полураскрытом чреве вагона —
Детское тельце. Круг патефона.
Видимо, ветер вертит пластинку.
Слушать нет силы. Плакать нельзя.
В лагере смерти печи остыли.
Крутится песня. Мы победили.
Мама, закутай дочку в простынку.
Пой, балалайка, плакать нельзя.

10. ЗОЛА

Я был остывшею золой
Без мысли, облика и речи,
Но вышел я на путь земной
Из чрева матери — из печи.

Еще и жизни не поняв
И прежней смерти не оплавав,
Я шел среди баварских трав
И обезлюдевших бараков.

Неспешно в сумерках текли
«Фольксвагены» и «мерседесы»,
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

11. ОДЕССКИЙ ПЕРЕУЛОК

Акация, нежно желтея,
Касается старого дворика,
А там, в глубине, — галерея,
И прожитых лет одиссея
Еще не имеет историка.

Нам детство даётся навеки,
Как мир, и завет, и поверие.
Я снова у дома, где греки,
Кляня почитателей Мекки,
В своей собирались гетерии.

Отсюда на родину плыли
И там возглавляли восстание,

А здесь нам иное сулили
Иные, пьянящие были,
Иных берегов очертания.

А здесь наши души сплетались,
А здесь оставались акации,
Платаны легко разрастались,
Восторженно листья братались,
Как часто братаются нации.

О кто, этих лет одиссея,
За нитью твоею последует?
Лишь море живёт, не старея,
И время с триерой Тезея,
Всё так же волнуясь, беседует.

12. УЛИЦА ПЕЧАЛИ

Говорливый, безумный базар воробьев
На деревьях — свидетелях давних боёв,
Вавилонская эта немая тоска
Потемневшего известняка.

Эта улица, имя которой Печаль,
И степная за ней безысходная даль,
Тишина и тепло, лишь одни воробьи
Выхваляют товары свои.

Да сидят у подвала с газетой старик
И старуха, с которой болтать он привык,
И смотрю я на них, и текут в забыты
Бесприютные слёзы мои.

13. ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

В центре города, где назначаются встречи,
Где спускаются улицы к морю покато,
В серой будке звонит городской сумасшедший,
С напряжением вертит он диск автомата.

Толстым пальцем бессмысленно в дырочки тычет,
Битый час неизвестно кого вызывая,
То ли плачет он, то ли товарищей кличет,
То ли трётся о трубку щетина седая.

Я слышал, что безумец подобен поэту...
Для чего мы друг друга сейчас повторяем?
Опустить мы с тобою забыли монету,
Мы, приятель, не те номера набираем.

14. ЗЕЛЁНЫЙ СОБОР

Не в зеленом уборе
Вижу землю мою,
А в зеленом соборе

Я молюсь и пою.

И ведет не апостол,
И зовет не левит, —
Сам внутри себя создал
То, чем жить надлежит.

Ум и сердце очистив
От сует и нитья,
Слышу проповедь листьев
И псалом соловья.

Я в зелёном соборе
Узнаю, что опять
Губит Чермное море
Фараонову рать;

Что, зажав свой пастуший
Посох в смуглой руке,
Вновь идёт, как по суше,
Человек по реке.

Домотканой рубахи
Чуть намокли края,
В чудном трепете птахи,
Воды, ветви и я.

15. В НАЧАЛЕ ПОРЫ

Если верить молве, —
Мы в начале поры безотрадной.
Снег на южной траве,
На засохшей лозе виноградной,
На моей голове.

Днём тепло и светло,
Небеса поразительно сини,
Но сверлит как сверло
Мысль о долгой и скудной пустыне,
На душе тяжело.

И черны вечера,
И утра наливаются мутью.
Плоть моя — кожа.
Но чего же я жду всею сутью,
Всею болью ядра?

16. ИРИСЫ

Деревня длится над оврагом.
Нет на пути помех,
Но вверх взбираюсь тихим шагом,
Мешает рыхлый снег.

Зимою жителей немного,
Стучишь — безмолвен дом,
И даже ирисы Ван Гога
Замерзли над прудом.

А летом долго не темнело,
Все пело допоздна,
Все зеленело, все звенело,
Пьянело без вина.

Вновь будет зимняя дорога,
Но в снежной тишине
Все ж будут ирисы Ван Гога
Цвести на полотне.

17. КОГДА

Когда деревья леденит мороз
И круг плывёт, пылая над поляной,
Когда живое существо берез
Скрипит в своей темнице деревянной,

Когда на белом, пористом снегу
Еще белее солнца отблеск ранний, —
Мне кажется, что наконец могу
Стереть не мною созданные грани,

Что я не вправе без толку тускнеть
И сердце хитрой слабостью калечить,
Что преступленье — одереветь,
Когда возможно все очеловечить.

18. НЕ ЗАБЫТЬ

Я забыть не хочу, я забыть не могу
Иероглифы птичьих следов на снегу,
Я забыть не могу, я забыть не хочу
Те ступеньки, что скользко сползали к ключу.
Не хочу, не могу эту речку забыть,
Что прошила снега, как суровая нить.

Я забыть не хочу, я забыть не могу
Круг закатного солнца на вешнем лугу.
Я забыть не могу, я забыть не хочу
Эту сосенку, вербную эту свечу.
Только б слышать всегда да и помнить всегда,
Как сбегает с холма ключевая вода.

19. В ЦАРСТВЕ ФЛОРЫ

В стране деревьев и цветов лесных
Я думаю о существах иных.

Я думаю о близких существах,
Осмысленных в цветах и деревьях.

Мне кажется, что лёгкая сосна —
Та девочка, чья южная весна

Пролепетала в отроческий час
Мне первый и пленительный отказ.

Мне кажется: акация, как мать,
Откинула серебряную прядь,

И говорят мне белые цветы:
«Всё правильно, мой мальчик, сделал ты».

Я вижу старый искривлённый дуб.
Рисунок узнаю отцовских губ.

Ещё мгновенье — он уйдет во тьму,
Сейчас не хватит воздуха ему.

А кто стоит среди кустов и трав,
А сам, как лес, как целый лес, кудряв?

И ствол его, до самой купины
Обугленный дыханием войны,

Навеки, прочно в эту землю врос,
Ничто ему ни вьюга, ни мороз,

Всегда во мне, поныне с давних пор,
Исследующий, требующий взор.

Одетое душистою листвой,
Мне деревце кивает головой,

И я на голосдвигаюсь ольхи,
Читающей безумные стихи,

И жаром араратского огня
Два разных глаза веют на меня.

20. ШЕЛКОВИЦА

Как только в городской тиши
Ко мне придёт полубессонница,
Ночная жизнь моей души,
Как поезд, постепенно тронется.

И в полусне, и в полумгле
Я жду, что поезд остановится
На том дворе, на той земле,
Где у окна росла шелковица.

Себя, быть может, обелю,

Когда я объясню старением,
Что это дерево люблю
Лишь с детским, южным ударением.

Иные я узнал дворы,
Сады, и площади, и пагоды,
Но до сих пор во рту остры
И пыльно-терпки эти ягоды.

И злоба отошедших дней,
Их споры, их разногласица,
Ещё больней, ещё родней
Ко мне — в окно моё доносится.

Назад, к началу, к той глуши,
Где грозы будущего копяты,
Ночная жизнь моей души
Безостановочно торопится.

Мы связаны на всём пути,
Как связаны слова пословицы,
И никуда мне не уйти
От запылившейся шелковицы.

21. ОЖИДАНИЕ ЖИЗНИ

В неверии, неволе, нелюбви,
В беседах о войне, дороговизне,
Как сладко лгать себе, что дни твои —
Еще не жизнь, а ожидание жизни.

Кто скажет, как наступит новый день?
По-человечьи запоем ли птица,
Иль молнией расколота тень
Раздастся и грозою разразится?

Но той грозы жестоким голосам
Ты весело, всем сердцем отзовёшься,
Ушам не веря и не зная сам,
Чему ты рад и почему смеешься.

22. В КОВЧЕГЕ

Просило чьё-то жалостное сердце,
Чтобы впустили и меня в ковчег.
Когда захлопнулась за мною дверца
И мы устраивались на ночлег,
Забыл я, кто я: отпрыск иноверца
Иль всем знакомый здешний человек?

Лицо мне щекотало тело львицы,
Я разглядеть не мог других людей.
Свистя, вертелись надо мною птицы, .
То чёрный дрозд, то серый соловей.

Я понимал, что нет воде границы
И что потоп есть Дождь и вождь Дождей.

Я также понимал, что наши души
Остались там, в пространстве мировом,
Что нам теперь уже не надо суши,
Что радость есть в движенье круговом,
А за бортом вода все глуше, глуше,
Все медленней, но мы плывем, плывем...

23. ЧЕЛОВЕК В ТОЛПЕ

Там, где смыкаются забвенье
И торный прах людских дорог,
Обыденный, как вдохновенье,
Страдал и говорил пророк.

Он не являл великолепья
Отверженного иль жреца,
Ни язв, ни струпов, ни отрепья,
А просто сердце мудреца.

Он многим стал бы ненавистен,
Когда б умели различать
Прямую мощь избитых истин
И кривды круглую печать.

Но попросту не замечали
Среди всемирной суеты
Его настойчивой печали
И сумасшедшей правоты.

24. Я ПРИНЁС ВАМ

Я принёс вам свои раздумия,
Сны трепещущие свои, —
Отпрыск разума и безумия,
Родич голубя и змеи.

Я принёс вам свои крамольности,
Я, пугающийся тюрьмы,
Тихо тлеющий пленник вольности,
Жаром веющий светоч тьмы.

Как я царствовал, раболепствуя,
Как я бедствовал на пиру!
Я принёс вам свои молебствия,
Спойте их, когда я умру.

25. ПОЖЕЛТЕВШИЕ БЛОКНОТЫ

Что буравишь ты, червь-книготочец,
Пожелтевших блокнотов листы?
Неудачливых строчек-пророчиц
Неужель опасешься ты?

Робкий в жизни, в писаниях смелый,
Черноморских кварталов жилец,
Их давно сочинил неумелый,
Но исполненный веры юнец.

Дышат строчки незрелой тревогой,
Страшных лет в них темнеют черты.
Уходи, книготочец, не трогай
Пожелтевших блокнотов листы.